

Г. Х. Саркисян

О ГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ В СЕЛЕВКИДСКОЙ ВАВИЛОНИИ

Исследователь социально-экономического строя государства Селевкидов, изучая земельные отношения на основании греческих источников, располагает лишь несколькими эпиграфическими памятниками из Малой Азии и несколькими единичными документами из других пунктов. На основании этих документов можно судить о земельных отношениях главным образом только в малоазиатских областях державы Селевкидов. Земля, судя по имеющимся свидетельствам, делилась на царскую и городскую, причем отдельные территории могли различными путями переходить из одного статуса в другой, как правило, — из царской земли становиться городской.

Царская земля обрабатывалась категорией земледельцев *λαοὶ βασιλικοί*, положение которых во многих отношениях остается еще неясным, так же как и положение земледельческого населения городских территорий.

Проблема городской земли в Селевкидском государстве представляет значительный интерес. Прежде всего проблема земельной собственности вообще чрезвычайно важна для историков-марксистов, поскольку формы собственности на средства производства и, в частности, землю являются определяющим моментом производственных отношений¹.

Что же касается рассматриваемого в настоящей работе вопроса о городской земле в государстве Селевкидов, то его значение обусловлено как огромной экономической, социальной и политической ролью городов, являвшихся центрами рабовладельческой эксплуатации, так и тем местом, которое занимали вопросы городской земли во взаимоотношениях царей с городами. Городская земля представляла собой один из важнейших факторов внутренней политики селевкидских царей. Земля, приписанная к городу и контролирувавшаяся им, приносила, наряду с податью царю, определенный доход и гражданскому коллективу города как в целом, так и отдельным его членам. Это, в числе прочих привилегий, которыми наделялись города, считалось благодеянием царя и делало города опорой для царской власти.

Поскольку греческих источников по вопросу о городской земле селевкидского времени — эпиграфических и литературных — считанное число,

¹ См. И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 73.

с сугубым вниманием следует отнести к клинописным документам этого времени; они не только дополняют данные греческих источников, но и раскрывают совершенно новые, не отраженные в греческих источниках явления. Именно клинописные документы дают возможность воссоздать картину вавилонского города селевкидского времени и ясно показывают, насколько тенденциозно судят буржуазные ученые, не замечая в селевкидском государстве, кроме эллинистических полисов, никаких других достойных внимания политических форм.

Структура Вавилонского города этого времени весьма характерна¹. К IV в. до н. э. в нем существовала община городского типа, представлявшая собой продукт постепенного слияния храмового персонала с более или менее зажиточными слоями городского населения. Эта гражданско-храмовая община охватывала большую часть или весь город и носила название «город» или «храмы» (как, например, в Уруке) или «город людей (?) храмов» (в Вавилоне). Состав общины не был статичен и замкнут; он постоянно пополнялся за счет новых людей, в том числе и греков. Храмовые должности исправляли многие члены общины, но не все и даже не большинство и, главное, не обязательно. В основной массе это были частные лица, не состоявшие в зависимости от храмов, но связанные с ними различными нитями. Традиции (предки многих были храмовыми служителями) играли, конечно, тут не последнюю роль. Немалое значение имели также раздачи, производившиеся храмами в форме довольствий, а также, возможно, какие-либо повинности со стороны граждан по отношению к храмам. Но главным были те политические права, которые давала принадлежность к гражданско-храмовой общине. Вавилонский город обладал самоуправлением. Его орган управления — *puḫi* «собрание», под председательством *šatammi* «эконома» или «настоятеля» храмов, — состоял, вероятно, из храмовых должностных лиц. Автономность города была признана селевкидским правительством, и он был наделен определенными привилегиями: освобождением от некоторых налогов и пошлин и правом пользования собственной нотариальной системой по нормам вавилонского права. В городе находился царский чиновник — эпистат, назначавшийся царем, как правило, из числа местных жителей. По правовому положению он стоял рядом с собранием, а в некоторых вопросах, возможно, и над ним. Эта гражданско-храмовая община сложилась постепенно и задолго до Селевкидов. Города, имевшие привилегии и пользовавшиеся элементами автономии, существовали в Вавилонии еще во времена Саргонидов (VIII—VII вв. до н. э.).

Уже эта краткая характеристика показывает, что отношение Селевкидов к вавилонским городам было сходно с их отношением к эллинистическим полисам. Цели и средства их политики и в том и в другом случае были одни и те же — создание опоры власти путем предоставления привилегий. К проявлению той же политики нужно отнести и участие Селевкидов в храмовом строительстве вавилонских городов. Эту традицию Селевкиды, в числе многих других, унаследовали от Александра². Надпись Антиоха I на глиняном цилиндре, посвященная описанию реставрации

¹ Следующее краткое описание внутреннего устройства вавилонского города основано на работе автора «Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии» (ВДИ, 1952, № 1, стр. 68—83), продолжением и дополнением которой является настоящая статья. В указанной работе обозначение термином «город» гражданско-храмовой общины, которая и являлась вавилонским городом этого времени, вводилось впервые, почему и термин был дан в кавычках. В настоящей статье в кавычках нет необходимости.

² А р р и а н (Anab., III, 16, 4) сообщает, что «Александр, войдя в Вавилон, приказал вавилонянам восстановить все разрушенные Ксерксом храмы, как все

храмов в вавилонских городах, в которой он титулуется как настоящий вавилонский царь¹, строительные надписи урукских эпистатов² и т. д. дают яркие иллюстрации покровительственного отношения Селевкидов к вавилонским храмам. Считают обычно, что их явное благоволение к храмам имело своим источником исключительно то огромное влияние, которым последние безусловно обладали. Это верно только отчасти. Город и храм были связаны очень тесно, настолько, что иногда терялась грань между ними³. Поэтому политика Селевкидов по отношению к городам имела в виду также сплетенные с ними храмы, со всем их религиозным значением, а их отношение к храмам, в свою очередь, распространялось и на города. Собственно говоря, тут не было двух аспектов. Нечто близкое этому можно наблюдать у Селевкидов и других эллинистических правителей даже по отношению к греческим городам и храмам⁴, которые, конечно, не были связаны между собой так органически, как вавилонские. Относительно же последних проводилась единая политика, в соответствии с единством ее объекта.

Теми же тенденциями проникнута и земельная политика Селевкидов в городах Вавилонии. Источники, дающие возможность судить об этих вопросах, представляют собой два клинописных текста III в. до н. э., происходящие из Вавилона. Более ранний из них является краткой клинописной хроникой 36 и 37 гг. селевкидской эры (= 276—274 гг. до н. э.), вкрапленной в текст астрономического содержания⁵. Документ датируется 273 г. до н. э., следовательно, запись вел очевидец событий. Хроника вводит нас в гущу событий Первой сирийской войны, которая, хотя и не велась на территории Вавилонии, тяжело отразилась на ее благосостоянии. В стране был голод и эпидемия, люди продавали своих детей. Городам также пришлось нелегко. Селевкия на Тигре и Вавилон должны были пожертвовать царю большое количество серебра и других ценностей на военные нужды. Но жизнь в городах не замерла, в Вавилоне продолжались работы по восстановлению храма Эсагилы.

прочие, так и храм Бела, которого вавилоняне почитают более (других) богов». Согласно Страбо́ну (XV, 1,5), объем работ был очень велик, и при Александре они не были закончены.

¹ Привожу титулатуру Антиоха и концовку надписи: «Я, Антиох, царь великий, царь могучий, царь вселенной, царь Вавилона, царь стран, попечитель Эсагилы и Эзиды, первородный сын Селевка, царя Македонян, царя Вавилона». Конец таков: «Набу, первородный сын! При водворении твоём в Эзиде, истинном храме, благоволение твоё к Антиоху, царю стран, к Селевку, царю, сыну его, к Стратонике, супруге его, царице, благоволение к ним да пребудет в устах твоих» (F. H. Weissbach, Die Keilschriften der Achämeniden, 1911, стр. 132).

² A. T. Clay, Miscellaneous Inscriptions in the Yale Babylonian Collection, New Haven, 1915, № 52; A. Falkenstein, Topographie von Uruk, I, Uruk zur Seleukidenzeit, Lpz., 1941, стр. 4—7.

³ Подобные явления имели место, очевидно, не только в Вавилонии. В таких, например, городах Сирии, как Дамаск, Хамат, Халаб, Эмеса, Эдесса, Нисибис и др., на всех фазах их развития не было четкого разграничения между государством и богом, между царским дворцом и храмом. Эмеса, например, оставалась храмовым государством и храмовым городом до поздне-римского времени. См. M. Rostovtzeff, SENHW, I, стр. 510.

⁴ Царские письма RC, 5; RC, 9; RC, 22 — Селевкидов, RC, 25 — царя Вифинии, RC, 35 — царей Атаманий греческим городам предполагают, что города и храмы тесно связаны и что привилегии, предоставляемые храмам, являются благодеянием также и для граждан.

⁵ Текст впервые издан J. Epping und J. N. Strassmeyer. Neue babylonische Planeten-Tafeln, ZA, VI, 1891, стр. 234—236 (автография), и они же, Babylonische Mondbeobachtungen, ZA, VII (1892), стр. 226—234 (транскрипция и перевод). Второе издание S. Smith, Babylonian Historical Texts, L., 1924, стр. 150—159. табл. XVIII.

Описание событий 36 г. селевкидской эры, заключенное в первой половине хроники, дает много интересного для политической истории¹. Вторая часть хроники, приводимая ниже в транскрипции² и в переводе, содержит важные данные по городскому землевладению в Вавилонии.

(15)šatti 37^{kam m} An-ti u^m Si-lu^{arah} Addari 9 amēl^{mes} mu-ma-a'-ir mat Akkadi u amēl^{mes} paḫ-du^{mes} ša šarri ša ina šatti 36^{kam} ana mat Sa-par-du ana muḫḫi šarri illiku-u' (16) a-na alSi-lu-ku-u'-a āl šarru-tu ša ina muḫḫi nar Idiglat iturū^{mes-ni} mašakši-piš-t[a-š]u-nu ana muḫ-ḫi amēl^{mes} mārē^{mes} Bābili^{ki} šit(?)-ri Tasriti ūmi 12^{kam} (17) amēl^{mes} mārē^{mes} Bābili^{ki} ana alSi-lu-ku-u'-a ušêšū^{mes} arḫi šiatī amēl^{mes} mu-ma-a'-ir mat Akkadi^{ki} ŠE.NUMUN ša ina šatti 32^{kam} ina tēmi ša šarri ana kurummāt^{hā} amēl^{mes} Bābilāja^{mes} amēl^{mes} Bar[sippāja]^{mes} u amēl^{mes} Kutāja^{mes} innadinu^{mes³} alpē^{hā} šênē^{hā} mimma gab-bi ša [ina šēri]^{mes⁴} u ma-ḥa-zi^{mes} ina tēmi ša šarri la-pa-ni amēl^{mes} mārē [mes Bābili^{ki}] (19) [išū^{mes⁵} ina muḫ]-ḫi bit šarri ēpuš^{us} šatti šiatī libnāti^{hā} ma'dūtum^{tum} a-na e-peš ša E-sag-[gil] eliš Bābili^{ki} u šapliš Bābili^{ki} li-ib-[nu-ni].

«37 г. Анти(оха) и Селев(ка). 9-го аддара правитель Аккада⁶ и царские должностные лица⁷, которые в 36 г. отправились к царю в Сарды, вернулись в Селевкию, царский город⁸ на Тигре, (и) написали (?) свое послание жителям Вавилона. 12-го ташрита жители Вавилона были переселены в Селевкию. В том же месяце правитель Аккада причислил к царскому дому те посевные земли, которые в 32 г. по решению царя⁹ были даны для прокормления вавилонян, бор[сиппян] и кутийцев, крупный и мелкий рогатый скот, все, что жители [Вавилона] по решению прежнего царя¹⁰ [на полях] и в городах [имели]. В этом году для строительства Эсаг[илы] выше и ниже Вавилона изготов[лялось] множество кирпичей»¹¹.

Приведенный отрывок, несмотря на исключительную его важность, не подвергался тщательному анализу, не только заслуженному им, но и совершенно необходимому, ибо некоторые факты в нем нуждаются в особой интерпретации. Наибольший интерес вызывает свидетельство о предостав-

¹ С. F. Lehmann, Hellenistische Forschungen, I, Der erste Syrische Krieg, «Klio», III, вып. 3 (1903), стр. 491—547.

² В основе лежит транскрипция С. Смита; существенные изменения и не принадлежащие ему конъектуры оговорены.

³ Чтение Смита — iddnū «дали».

⁴ Дополнение Штрассмейера, кажущееся мне более вероятным, чем дополнение Смита (ina ālāni), ZA, VII (1892), стр. 233.

⁵ Мое дополнение. Из контекста ясно, что здесь должен быть какой-либо глагол обладания, может быть, не обязательно — išū «иметь».

⁶ Сатрап Вавилонии.

⁷ Эти должностные лица — amēl paḫ-du^{mes} ša šarri — являлись, повидимому, эпистатами, см. S. Smith, ук. соч., 158; Н. В. Пигулевская, Угасающий Вавилон, УЗ ЛГУ, СИН, 1941, вып. 9, стр. 45, а также мою указанную выше статью, ВДИ, 1952, № 1, стр. 78 сл.

⁸ «Царским городом», по вавилонско-ассирийской терминологии, называлась резиденция царя или царской провинциальной администрации, а возможно — вообще город с царским гарнизоном.

⁹ Антиох I Сотер (280—262 гг. до н. э.).

¹⁰ Селевк I Никатор (312—280 гг. до н. э.). Странным образом Смит не заметил, что здесь речь идет не об Антиохе I, а о его отце. Смит (ук. соч., 151 сл.) специально отмечает, что если бы упомянут был Селевк, то это было бы оговорено. Между тем слово larānu «прежний», имеющееся в тексте и являющееся именно такой оговоркой, было не только скопировано самим Смитом, но и транскрибировано им.

¹¹ Как видно из этого свидетельства, Ростовцев допускает ошибку, считая, что Антиох I никогда не проводил никаких работ в Эсагиле и ограничился только храмом Набу в Борсиппе — Эзидой. См. SEHNW, III, стр. 1427, прим. 234.

лении царем земель вавилонским городам. Оно дает возможность дополнить картину этих городов, как самоуправляющихся общин, владевших определенной земельной территорией. Однако текст дает и другое свидетельство — о возвращении земель в царское хозяйство. Это последнее свидетельство постоянно заслоняет в глазах исследователей значение первого, неизмеримо более важного факта, хотя на деле несколько не умаляет его значения. Поэтому прежде всего следует разобрать именно вопрос о возвращении земель.

Как следует из приведенного текста, Селевк I, в один из годов своего царствования, предоставил вавилонянам крупный и мелкий рогатый скот. Его сын, Антиох I, продолжая политику отца, в самом начале своего царствования, в 280/79 гг. до н. э., дал вавилонянам, борсипшянам и кутийцам посевные земли. Через пять лет после этого, в 275 г., жители Вавилона были переселены в Селевкию на Тигре, а спустя несколько дней земли и скот были возвращены в царское хозяйство. Наконец, в течение этого года в окрестностях Вавилона изготовлялось множество кирпичей для строительства Эсагилы.

Как видно, здесь содержатся новые факты, подкрепляющие сказанное о политике Селевкидов по отношению к вавилонским городам — данные о предоставлении им земли и скота и храмовом строительстве. Как же на этом фоне следует объяснить передачу земель и скота обратно в царское хозяйство? Н. В. Пигулевская пишет по этому поводу: «По утверждению хроники, за 32 года до переселения вавилонян в Селевкию, по желанию царя населению Вавилона, Борсипшы и Кутаха была дарована земля для их поддержания и „пропитания“. Теперь эти посевные земли, угодья, а также скот и весь инвентарь были отобраны и присоединены к царским имениям. Города потеряли, таким образом, основную базу своего существования». «Даже давность в тридцать два года, заключает Н. В. Пигулевская, не была достаточной, чтобы забылась принадлежность этой земли царю» (ук. соч., стр. 46).

Нужно прежде всего устранить фактическую ошибку, несколько затемняющую вопрос. Земля была дарована не за 32 года до переселения, а в 32 г. селевкидской эры, т. е. всего лишь за пять лет ранее, поскольку события происходят в 36 г. селевкидской эры. Но здесь важно не это, важен вывод, что в результате политики Антиоха I города Вавилонии потеряли основную базу своего существования¹. Этот вывод сделан без оглядки на имеющийся по городам селевкидской Вавилонии материал. Нельзя, конечно, предполагать, что как дарить, так и отбирать дареное было только делом доброй воли царя. Дело, очевидно, обстояло серьезнее: для того, чтобы отобрать землю, был бы необходим резкий поворот в политике Антиоха I по отношению к вавилонским городам, а для такого поворота, в свою очередь, свои веские причины. Но ни о чем подобном нет и речи.

Между тем совершенно очевидно, что это событие — возвращение земель и скота вавилонян в царское хозяйство — следует рассматривать в связи с другим событием, которое произошло за несколько дней до него — с переселением вавилонян в Селевкию на Тигре. На этом вопросе нужно остановиться подробнее. Переселения в эллинистический период были основным методом заселения и укрупнения городов. Иногда несколько близ-

¹ Очевидно, Н. В. Пигулевская основывается на сообщениях хроники о голоде и эпидемии, охвативших Аккад, и о продаже детей. Но первое было обычным явлением в Вавилонии и вообще на древнем Востоке; поэтому нет нужды видеть в данном событии следствие чрезвычайных обстоятельств, вызванных единичным мероприятием правительства. Продажа детей также представляла обычный для древнего Востока источник рабства, особенно в военные и неурожайные годы, и нет данных, чтобы считать положение в этом отношении изменившимся в селевкидское время.

ко друг от друга расположенных городов сливались в один, иногда жители переселялись и на значительные расстояния¹.

Об условиях переселения дает интересные данные Иосиф Флавий (AI, XII, 3, 4). Он приводит письмо Антиоха III одному из стратегов, Зевксиду, содержащее приказ переселить 2 тыс. еврейских семей из числа проживающих в Месопотамии и Вавилонии в Лидию и Фригию, где, как он слышал, замышляются мятежи. «Когда ты доставишь их в указанные места,— пишет Антиох,— предоставь каждому из них место для постройки дома и землю для хлебопашества и виноградарства, а также освободи их на десять лет от податей на землю. И пусть, пока они не снимут урожая, им выдадут хлеб, предназначенный для моих служителей...» и т. д. Аналогичны условия, предоставленные Антигоном жителям Лебедоса при переселении их в Теос (RC, 3). Аппиан (Syn., I) дает следующую картину заселения Антиохом I Лисимахии: «Антиох заселил (ее), создав бежавших лисимахийцев, выкупив тех из них, кто попал в плен и был поработен, а также пригласив прочих и выдав им крупный и мелкий рогатый скот и земледельческие орудия».

Нет никаких причин считать условия при переселении вавилонян в Селевкию на Тигре существенно отличными от этих. Дело, очевидно, обстояло приблизительно так же. Об этих переселениях имеются некоторые сведения и помимо цитированной хроники. Согласно Плинию Старшему (VI, 222), Вавилон был «опустошен, вычерпанный соседством Селевкии, основанной для этой цели Никатором». Далее говорится, что вскоре парфяне построили Ктесифон вблизи Селевкии, чтобы «вычерпать» последнюю. Несмотря на некоторый схематизм, мало содействующий убедительности этого утверждения, все же можно допустить, что Селевк I имел такое намерение относительно Вавилона, полагая этим устранить соперника Селевкии в торговом и политическом отношении. Во всяком случае, из многочисленных вавилонских городов, насколько нам известно, только один Вавилон поставлял жителей в Селевкию.

Другой автор, Павсаний (I, 16, 3), сообщает, что Селевк, «основав Селевкию на Тигре и переселив туда вавилонян в качестве синойкистов, сохранил как стены Вавилона, так и храм Бела, разрешив халдеям жить вокруг него». Конечно, не следует понимать буквально, что будто бы Селевк оставил в Вавилоне одних только жрецов (как, повидимому, нужно понимать термин «халдей») или даже начисто «вычерпал» город. Антиох I, согласно хронике, в 275 г. имел возможность переселить в Селевкию новую партию вавилонян. Но и это переселение, очевидно, не опустошило города². Лет через двадцать мы снова услышим о вавилонянах. Таким образом, если допустить, что эти переселения, кроме заполнения Селевкии, преследовали какие-либо цели, вроде, например, устранения конкуренции и т. п., то, во всяком случае, они не заходили дальше ограничения роста Вавилона и поддержания его населения на определенном, пусть невысоком уровне.

Итак, можно с уверенностью сказать, что возвращение земель и скота в царское хозяйство, о котором говорится в хронике, было связано с конкретным случаем выселения партии вавилонян в Селевкию на Тигре. Поскольку им предстояло получить все необходимое в Селевкии, и, вероятно, именно из царского хозяйства, то стратег считал своим правом и обязанностью вернуть в царское хозяйство то, что было выделено из него пять лет назад.

¹ Например, надпись OGIS, 233 свидетельствует о переселении из Магнесии на Меандре в Антиохию в Персиде.

² Б. А. Тураев, История древнего Востока, II, Л., 1935, стр. 251 сл., полагает, что речь идет о переселении лишь части жителей Вавилона.

Соображение о том, что речь в тексте идет не только о землях вавилонян, но и о земле борсипшян и кутийцев, как будет показано ниже (стр. 71 сл.), не мешает сделанному выводу.

Переходя к вопросу о городской земле, предварительно нужно вспомнить, что вавилонские города играли в селевкидском государстве определенную социальную и политическую роль, аналогичную роли эллинистических полисов. Роль эта заключалась в том, что и те и другие служили базой власти Селевкидов, старавшихся через них сохранить политическую целостность государства, а также держать в подчинении и эксплуатировать зависимое и полузависимое население — массу производителей, преимущественно земледельцев. Возможности для этого были созданы привилегированным положением жителей городов в целом (абстрагируясь от социальной дифференциации внутри городов), по сравнению с сельскохозяйственным населением. Города наделялись иммунитетом от различных налогов и определенными льготами, с одной стороны, и приобщались к доходам с земли — с другой. Последнее означало — для вновь основанных городов — приписку к ним некоторого количества царской земли, которая при этом становилась городской, а для старых — оставление им, с теми или иными изменениями, их традиционной *χώρα*. Доходами и поступлениями с этих территорий царь делился с городами¹. Пути перехода царской земли во владение города были разнообразны: царь мог предоставить ее в распоряжение города, как, например, произошло в случае, описанном в приведенной выше хронике, и как обычно происходило при основании новых городов; царь мог продать землю городу; наконец, к городской земле приписывались земли, уступленные царем частным лицам².

Вследствие скудости источников и неисследованности проблемы трудно судить, на каком именно этапе развития застали Селевкиды вопрос о городской земле в Вавилонии. Города здесь уже раньше должны были располагать какими-то землями, хотя бы потому, что даже такие, например, центры, как Вавилон, Ниппур, Урук, которые были городами в полном смысле этого слова, т. е. обладали развитым ремесленным производством, все же в значительной степени носили и сельскохозяйственный характер. Возможно поэтому, что то положение вещей, какое наблюдается в селевкидской Вавилонии относительно городской земли, не было для Вавилонии чем-либо совершенно новым.

Второй из имеющихся по городскому землевладению в Вавилонии документов проливает значительный свет на разбираемые вопросы. В отличие от предыдущего, он представляет собой постановление городского собрания вавилонян, заключенное в форму заявления председателя собрания, эконома Эсагилы³, причем само собрание упоминается в шестой строке оборотной стороны в не совсем ясном контексте. Документ относится к 236 г. до н. э.

Насколько известно автору, декрет как форма официальных документов в городах Вавилонии ранее III в. до н. э. не встречается. В возникнове-

¹ См. P. L e v a s, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, III, 1, 1870, стр. 131, № 404, надпись из Миласы, где речь идет о внесении налогов с городских земель в царскую и в городскую казну.

² Например, в письме Птолемея II Милету (RC, 14) и в ответном декрете милетян (там же, стр. 74) говорится о даровании им этим царем обширных земельных территорий; надпись OGIS, 335, рассказывает о купле городом Питаной земли у Антиоха I. О приписке подаренной царем частным лицам земли к городской территории см. ниже, стр. 58 сл.

³ О собраниях (*puḫru*) вавилонских городов и их председателях (*šatammu*) см. ВДИ, 1952, № 1, стр. 76 сл.

нии подобных документов на вавилонской почве можно было бы усмотреть определенную долю влияния организации эллинистических полисов. Особенно показателен в этом смысле другой документ, происходящий также из Вавилонии и датированный 126 г. до н. э.— почетный декрет в честь некоего вавилонянина, царского чиновника, оказавшего городу значительные услуги¹. Этот декрет перекликается с подобными же постановлениями эллинистических полисов.

Таблица, на которой был записан текст декрета 236 г., к сожалению, в настоящее время утеряна, и все наши сведения о ней сводятся к двум отрывкам, приведенным Леманном в довольно небрежной транскрипции и без автографии в статье, где текст интересовал автора лишь косвенно².

Утерянная таблица представляла собой копию, сделанную в 139 г. селевкидской эры (= 173/2 г. до н. э.) с надписи на каменной стеле, относившейся к 75 г. селевкидской эры (= 236 г. до н. э.). Судя по длине строк, таблица должна была содержать не менее 40—50 строк клинописного текста, из которых нам известно 17. Первый отрывок Леманн нумерует 1—9 строками лицевой стороны, второй — 2—9 строками оборотной стороны. Ниже приводятся оба отрывка в транскрипции и в переводе.

Лицевая сторона: (1) ^{arah}Addaru ûmu 8 šattu 75 ^mSi-lu-ku šarru ša ^mNergal-ušêzib (?)—šur-ru ^{amel}šâ-tam [É-sag-gil] (2) aplu ša ^mBêl-bâni ^{amel}Bâbilâja ^{amel}SAR ša Esaggil iḫbû um-[ma-a] (3) ^mAn-ti-i'-uk-su šarru ši-bu-ta da-mi-iḫ-<ta>³ i-te-ip-ša an-na šu-[u] (4) mimma ša ^mAn-ti-i'-uk-su abu⁴-šu u ^mSi-lu-ku abu abi-šu šarru i-šaṭ-ṭ[a (?)—ru (?)] ŠE. NUMUN^{mes} ša bit ra-ma-ni-šu-[nu(?)] (5) ša(?) ana li-met Bâbili^{ki} u Bar-zip^{ki} (1) ša ina 15, 12, 30 (6) ša ^{nar}Puratti u ŠE.NUMUN^{mes} ša a-na ku-mu šib-tum ša bit šarri u mimma ša ina(?) [ŠE.NUMUN^{mes} šuâtunu]⁵ šu-ku-ra-a' (7) a-na ^fLu-da-ki-e aššati-šu ^mSi-lu-ku u ^mAn-ti-i'-uk-su aplê-šu id-din-nu (8) ^fLu-da-ki-e aššatu-šu ^mSi-lu-ku u ^mAn-ti-i'-uk-su aplê-šu ana ^{amel}Bâbilâja ^{amel}Barsipâja ^{amel}Kutâja id-din-nu-u' u iš-ṭu-ru-u'.

«8 аддара 75 г. Селевка⁶ царя. То, что сказал Нергал-ушезиб (?)—шурру, эконом [Эсагилы], сын Белбани, вавилонянина, писца Эсагилы:, Царь Антиох⁷ исполнил доброе желание. Оно таково. Все, что при[писывали (?)] отец его Антиох⁸ и дед его Селевк⁹— посевные земли e[go] (их?) собственного дома, относящиеся к окрестностям Вавилона и Борсиппы, которые в 15, 12, 30¹⁰ Евфрата, а также посевные земли, относящиеся к месту

¹ E. U n g e r, Babylon, die heilige Stadt, Lpz., 1931, стр. 319.

² С. F. L e h m a n n, Noch einmal Kassā, ZA, VII (1892), стр. 130—132. В преодолении трудностей, связанных с плохим изданием текста, я в большой степени обязан помощи и советам И. М. Дьяконова. Следует оговорить, что хотя я здесь привожу транскрипцию Леманна целиком и даю к ней перевод, все же в своих выводах я опираюсь только на те места текста, чтение которых не вызывает сомнений.

³ У Леманна написано dami-iḫ, вместо da-mi-iḫ-ta. Дефис между первым и вторым слогом пропущен, очевидно, по небрежности. Отсутствие конечного -ta может быть ошибкой писца.

⁴ У Леманна — abil вместо abu — явная ошибка, которую он исправил своим переводом «отец».

⁵ Мое дополнение.

⁶ Селевк II Каллиник (247—226 гг.)

⁷ Антиох II Теос (262—247 гг.).

⁸ Антиох I Сотер.

⁹ Селевк I Никатор.

¹⁰ Система данного измерения пока неясна. Быть может, в этом месте транскрипции Леманном пропущен какой-либо знак.

подати царского дома¹, а также все, что является ценным на [этих землях], он отдал Лаодике, своей супруге, Селевку и Антиоху, своим сыновьям. Лаодика, его супруга, Селевк и Антиох, его сыновья, отдали и приписали (все это) вавилонянам, борсиппянам и кутийцам²».

Оборотная сторона: (2) ¹Lu-da-ki-e aššati-šu ^mSi-lu-ku u [^mAn-ti-i'-uk-su aplê^{mēš}-šu] ana epêš damḫāti^{mēš} (3) ša-ma-miš(?)² Bâbilâja ŠE. NUMUN^{mēš}-šu-nu dam-ka-tum li-iz-zak-ru ŠE.NUMUN^{mēš} an-ni-e-tum (4) gabbi lib-bu mim-ma ša ^{amēl}Bâbilâja ^{amēl}Barsippâja u ^{amēl}Kutâja gab-bi (5) an-na-a ŠE.NUMUN^{mēš} lu-u' li-iz-zi-za-šu-nu-tu a-na ûmu^{mu} ša-a-tum Bâbilâja gab-bi (6) ša ŠE.NUMUN^{mēš} šab-bat-tu-u' e-du ina bit ḫan-ni-šu(?) lib-bu-u mim-ma ša ana ûmu^{mu} an-na-a (7) ŠE.NUMUN lu-u' li-iz-zi-za-šu-nu-tu a-na ûmu^{mu} ša-a-tum u ki-i(?) ^{amēl}puḫru ša Bâbilâja (8) u ki-i(?) ina bit ḫan-nu^{mēš(?)} u ki-i ^{amēl}GIŠ^{mēš} ina bit ḫan-ni^{mēš} ŠE. NUMUN^{mēš} ana ^{amēl}...-mu (9) id-din-nu-u'.

«...Лаодике, своей супруге, Селевку [и Антиоху, своим сыновьям] для совершения благодеяния... Вавилоняне пусть объявят их посевные земли благими. Все эти посевные земли, в числе всего того, что вавилоняне, борсиппяне и кутийцы (имеют) — все это пусть служит им посевной землей на вечные времена. Все вавилоняне, которые владеют посевными землями, каждый (?) в своей (?) bit ḫanni⁴ — в числе всего того, что (они имеют) на сегодняшний день — пусть (это) служит им посевной землей на вечные времена. И как собрание вавилонян, и как (те, кто) в bit ḫanni и как... в bit ḫanni посевные земли ...у отдали,...»⁵.

¹ Т. е. царскому дому. И. М. Дьяконов предлагает перевод «посевные земли, которые вместо налога царскому дому», считая, что ana kîmu употреблено здесь в смысле kîm «вместо». Однако kîmu с предлогом, как правило, употребляется в своем основном значении «место». Кроме того, такой перевод нарушил бы параллельную конструкцию, которая здесь наблюдается при перечислении различных категорий земли: «посевные земли его (их) собственного дома, относящиеся к окрестностям Вавилона... и посевные земли, относящиеся к месту подати». Предлог ana в обоих случаях употреблен в смысле «относящийся к».

² Транскрипция текста начата Леманном, повидимому, с середины предложения. Чтение Леманна ša-ma-miš несостоятельно. Неясно, какие именно знаки кроются под транскрипцией ša и miš:ša или ša=gar; miš=meš или miš=šid=lak, или miš—ошибка у Леманна, вместо ^{amēl} (детерминатив перед словом Bâbilâja?). Судя по контексту, здесь должен быть какой-нибудь глагол (GAR-ma=iškun-ma, iškunû-ma «установили и ...», установили и ...»?), подлежащим которого являются либо Лаодика с сыновьями, либо некто, упомянутый раньше, повидимому, Антиох II. В последнем случае, кажущемся мне наиболее вероятным, Лаодика с сыновьями выступают синтаксически в роли дополнения. Следующий за этим оборот с прекативом является продолжением прямой речи šatammu «эконома», которая начинается в первом отрывке транскрипции. Прямой речи Антиоха здесь не может быть, так как отсутствует вводящее ее слово umma, которое неизбежно должно было бы стоять между упоминанием Антиоха в третьем лице (aššati-ku и т. д.) и его прямой речью. Таким образом, если это не решение Антиоха, а решение собрания вавилонян, излагаемое председателем собрания, то Лаодика с сыновьями не могут быть подлежащими глагола izzakku, поскольку декрет вавилонян не мог продиктовать ни ей, ни ее сыновьям каких-либо действий. Следовательно, подлежащим этого глагола являются вавилоняне.

³ Чтение Леманна GIŠ внушает сильные сомнения. Может быть, он спутал знак (GIŠ) со знаком (НАТ) — ^{amēl} НАТ = ^{amēl}aklu «секретарь», «староста».

⁴ Термин bit ḫanni неясен. Исходя из значения ḫannu (ḫanu) «область», «граница», его можно толковать как «участок». Пока настаивать на этом толковании невозможно.

⁵ Транскрипция, повидимому, как начата, так и закончена Леманном в середине предложения, ввиду чего трудно дать связный перевод отрывка.

Надпись, вырезанная в 236 г. до н. э., в царствование Селевка II, в своей первой, констатирующей части повествовала о событиях, произошедших еще при Антиохе II. Дата этих событий в надписи не была приведена или, по крайней мере, до нас не дошла, но ее можно приблизительно установить. В тексте сказано, что Антиох II даровал супруге своей Лаодике и своим сыновьям Селевку и Антиоху земли. Это могло произойти не раньше 257—256 гг. до н. э., когда родился младший сын Антиоха II, Антиох, прозванный впоследствии Гиераком¹, и не позже 253 г. до н. э., времени развода Антиоха II с Лаодикой², поскольку в тексте последняя названа его супругой. Очевидно, что и передача Лаодикой земель вавилонским городам произошла тогда же, ибо и тут она названа супругой Антиоха.

Эти два акта — дарение царем земли Лаодике и передача со стороны последней этой земли трем вавилонским городам — представляют собой явления, отличающиеся между собой коренным образом. Дарение царем земли в частное владение было обычным делом не только у Селевкидов, но и в других эллинистических государствах. У Селевкидов, владевших крупнейшими территориями царской земли, такие дарения практиковались в весьма широких масштабах. При этом одним из основных условий, на которых частные лица (родственники царя, его приближенные, люди, оказавшие царю выдающиеся услуги) получали землю от царя, было присоединение этой земли к территории какого-либо города. В надписях, где речь идет о земельных дарениях, это условие постоянно упоминается, причем иногда указан город, к которому следует приписать землю, а иногда выбор предоставляется землевладельцу. Так, например, Антиох I, даря посевные земли Аристоклиду, указывает в своем письме, что землю нужно присоединить либо к Илиону, либо к Скенсису (RC, 10). В надписях RC, 11 и RC, 12, выбор городов предоставлен владельцу земли. В надписи RC, 18, где выступают те же лица, что и в клинописном декрете, т. е. Антиох II и Лаодика, последняя получает в дар³ от царя огромную земельную территорию с тем же условием — присоединить ее к земле какого-либо города.

Здесь не место углубляться в экономические и юридические причины этого положения, к тому же они далеко не ясны, но нужно отметить, что это правило было, повидимому, более выгодно для городов, чем для лиц, приписывавших земли. Это видно из постоянных напоминаний со стороны царя, которых не потребовалось бы в случае сильной заинтересованности самих землевладельцев, а также из надписи RC, 13, где стратег Геллеспонта Мелеагр предупреждает илионцев, что многие города уже ходатайствовали о присоединении земли, полученной в дар от царя Аристоклидом, именно к их территории, и советует им завоевать расположение Аристоклида, оказав ему различные почести⁴. Возможно, что город, кроме приобретения богатого гражданина, получал также некоторые права на взимание тех или иных сборов с приписанной земли.

Таким образом, упоминание о царском дарении земель Лаодике в клинописном декрете находит себе достаточно параллелей в других документах и не требует особых объяснений. Что касается второго факта, о котором

¹ Согласно Юстину (XXVII, 2, 6—8), Антиоху Гиераку в 242 г. до н. э. было около четырнадцати лет. Следовательно, его рождение падает на 257—256 гг. до н. э.

² См. RC, стр. 92.

³ См. А. Б. Рано в и ч, *Эллинизм и его историческая роль*, М., 1949, стр. 116, 150 сл.; RC, стр. 92. В настоящее время установлено, что это был дар (замаскированный под продажу), предназначавшийся Антиохом II в качестве компенсации Лаодике за развод. Огромная земельная территория, как считают, около 15 тыс. га (T. Wiegand, *Ath. Mitt.*, XIX, 1904, стр. 274—278), была «продана» Лаодике за ничтожную, по сравнению с объектом продажи, цену — 30 талантов серебра.

⁴ А. Б. Рано в и ч, *Эллинизм...*, стр. 104 сл.

говорилось в декрете, — передачи Лаодикой земли вавилонским городам, то он также находит вполне удовлетворительное объяснение в свете приведенных данных. Ни о каком «дарении», как думает, например, Ростовцев¹, речи, конечно, не может быть. Частные лица (какими здесь выступают Лаодика и ее сыновья) для подражания царю в этом направлении не располагали ни одной из тех возможностей, какие были в его руках. Не говоря уже об огромной разнице в правовом отношении, владения частных лиц, сколь бы велики они ни были, не могли идти ни в какое сравнение с царскими владениями, так же как и их доходы. Особенно же непонятно это «дарение», если вспомнить, что оно было совершено вскоре после получения земель Лаодикой и ее сыновьями. На деле имело место не дарение, а приписка земель, согласно общему правилу, к городам Вавилону, Борсиппе и Куту.

Если это столь очевидное объяснение не было дано до сих пор, то лишь по одной причине: в упомянутых греческих надписях речь идет об эллинистических городах, в клинописном документе — о городах вавилонских. Бужуазные исследователи, фетишизирующие роль греческого полиса в Селевкидском государстве, не могут допустить мысли о существовании у вавилонских городов прав, аналогичных правам городов греческих. О несостоятельности этого тезиса уже говорилось в начале.

Таким образом, надпись RC, 18 и клинописный декрет, хронологически очень близкие, трактуют о двух однородных фактах, но в различных аспектах. В первой царь указывает Лаодике на необходимость приписать землю к какому-либо городу, во втором констатируется совершение такого акта. Термины для его обозначения в аккадском языке не были, повидимому, переведены с греческого, поэтому здесь имеется совпадение только по смыслу; в декрете сказано: *iddinu' ū išṭuru'* «отдали и приписали», в греческих надписях употребляются глаголы *προσφέρειν* и *προσπορίζειν*².

Привлекает внимание то обстоятельство, что земля была приписана к территории сразу трех городов — Вавилона, Борсиппы и Куту. В связи с этим нужно отметить, что, согласно рассмотренной выше хронике, в 280/79 гг. до н. э. Антиох I также даровал земли этим трем городам одновременно. Они были расположены весьма близко друг от друга: Борсиппа, с давних пор считавшаяся пригородом Вавилона, находилась от него на расстоянии 15 км, а Куту — не более 30 км. Бросается в глаза также, что, согласно вавилонскому декрету, земля, расположенная в окрестностях двух городов — Вавилона и Борсиппы, присоединяется к трем городам — к двум указанным и к Куту. Следовательно, она была присоединена не к отдельным городам, а к их совокупности. Очевидно, между ними существовали связи, напоминавшие симполитию, явление, очень распространенное в эллинистическое время, причем ведущим в их союзе был город Вавилон. Если это так, то тогда легко можно объяснить, почему в хронике говорится о землях всех этих трех городов, в то время как возврату в царское хозяйство подлежала только земля, принадлежавшая вавилонянам, в связи с их переселением в Селевкию. Происходит это потому, что здесь упоминается дар Антиоха I во всей его совокупности, в той форме, в какой он был сделан.

¹ М. R o s t o v t z e f f, SEHAW, I, стр. 494.

² Интересен состав земли, полученной Лаодикой от царя. Это, во-первых, «посевная земля его (их?) собственного дома», т. е. царского, и, во-вторых, «посевная земля относящаяся к месту подати царского дома (т. е. царскому дому)». Если последний, перевод верен (см. выше, стр. 57), то перед нами интереснейшее свидетельство о структуре *χωρά βασιλική*, согласно которому последняя делилась на личные владения Селевкидов и на податные земли.

Если первая, констатирующая часть декрета повествует о событиях, произошедших не позже 253 г. до н. э. — о дарении Антиохом II земель Лаодике и ее сыновьям и приписке последними этих земель к вавилонским городам, то вторая, постановляющая часть посвящена вопросам, современным декрету, и содержит решение, принятое вавилонским собранием относительно этих земель. Решение гласит, что они будут впредь находиться в вечном владении вавилонян, борсиппян и кутийцев. На первый взгляд это кажется странным, ибо ясно, что вавилоняне не могли свободно распоряжаться полученными частными лицами в дар от царя землями, хотя бы последние были приписаны к их городской территории. Но таково было положение этих земель лишь около 253 г. За прошедшие с тех пор семнадцать лет произошли события, сделавшие возможным принятие такого решения со стороны вавилонян.

Умершему в 247 г. до н. э. Антиоху II наследовал его старший сын Селевк II, все царствование которого было заполнено войнами. В начале его правления вспыхнула Третья сирийская война («война Лаодики»), продолжавшаяся до 242 г. За ней последовала династическая война между Селевком II и его младшим братом — Антиохом Гиераком. Малая Азия была оторвана от государства, и в ней укрепилась партия Антиоха, нашедшая поддержку во многих эллинских городах, недовольных централизаторской политикой Селевкидов. О Лаодике источники дают противоречивые сведения. Согласно одной версии, она находилась при Антиохе и была главной вдохновительницей его партии, по другой версии она умерла еще во время Третьей сирийской войны¹. Так или иначе, но к 236 г. до н. э. вражда между братьями была в полном разгаре, и земля, некогда приписанная к вавилонским городам, фактически лишилась своих частных владельцев, если не считать Селевка, ставшего царем. Так как городская земля не могла быть одновременно и царской, то, очевидно, следствием создавшегося положения явилось предоставление царем этой земли во владение вавилонским городам. Такое свидетельство, вероятно, содержалось в недостающих строчках надписи.

Декрет прежде всего устанавливает, что вавилоняне должны объявить эти земли «благими» (*damkâtum lizzakru*). Термин *damkâtum* — в данном контексте не совсем понятен. Обычное значение этого корня — «добрый», «хороший», «благой», а в форме множественного числа *damkâti* — «хорошие дела», «благодетания», «богоугодные дела». Издатель надписи Леманн считает, что объявить землю *damku* означает объявить землю храмовой².

Между тем, если понимать это так, как понимают Леманн и другие, т. е. что земля передается храмам и, тем самым, перестает принадлежать вавилонским гражданам, то это никак не согласуется со следующим предложением текста (стк. 4 и 5), где говорится, что эти земли впредь навсегда будут принадлежать вавилонянам, борсиппянам и кутийцам (*ŠE. NUMUN lizzizašunutu ana ûmu šâtum*). Поскольку в понимании этой фразы нет никаких сомнений, то толкование Леманна по существу своему неверно.

¹ А п п и а н (Syr., 65) сообщает, что Лаодика пала от руки Птолемея III во время Третьей сирийской войны. Бел о х, Griechische Geschichte, III, 1, стр. 698, за которым в этом вопросе следует большинство исследователей, на основании свидетельства Плутарха (*De frat. amore*, 18) о том, что Лаодика поддерживала Антиоха в войне против Селевка, считает, что это слишком ранняя дата, в противоположность Н и з е, *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten*, II, Gotha, 1899, стр. 154.

² Нужно сказать, что Леманн не приводит в подкрепление своего толкования никаких аргументов, кроме этимологии слова *damku*, и исследователи, принявшие это толкование, поверили ему на слово. Отрывок, в котором находится этот термин, Леманном, равно как и другими, не был переведен. Между тем только этот отрывок может показать состоятельность или несостоятельность толкования Леманна.

Вопрос будет поставлен иначе, если вспомнить, в каком соотношении находились вавилонские храмы и города, насколько тесно они были связаны между собой. Тогда можно будет принять конкретное содержание толкования Леманном термина *damkâtum* как «храмовый», и оно приобретает определенный смысл, правда, не предусмотренный самим автором: вавилоняне, объявляя землю «храмовой», тем самым признают ее принадлежность гражданско-храмовой общине, т. е. городу. Последнее снова подтверждается следующими строками (6 и 7) текста, которые детализируют сказанное в предыдущем предложении о вавилонянах, борсиппях и кутийцах применительно к гражданам собственно Вавилона.

В этом месте текста встречаются некоторые указания на структуру землевладения в городах селевкидской Вавилонии, однако при современном состоянии текста автор настоящей работы предпочитает не опираться на эти свидетельства, поскольку чтение их и перевод нельзя считать вполне достоверными.

То самое нужно сказать и о следующих, завершающих транскрибированную часть надписи строках.

Некоторые сведения по внутренней структуре городского землевладения дают частные контракты из Урука, фиксирующие сделки с землей различного характера. Однако подавляющая часть этих контрактов относится к внутригородскому землевладению¹. Для земли, находящейся за городскими стенами, имеется всего лишь один частный контракт, посвященный продаже посевной земли². Строго говоря, он не относится к селевкидскому времени, его дата — 317 г. до н. э., но, кажется, он может быть использован, во-первых, потому, что вряд ли в этой области землевладения обстоятельства изменились существенно даже по сравнению с более отдаленными — персидскими временами, и, во-вторых, те изменения, которые все-таки произошли, были связаны, вероятно, в основном с деятельностью Александра, а Вавилония, будучи центральной областью его империи, конечно, воспринимала все нововведения в первую очередь.

Контракт закрепляет продажу участка возделанной посевной земли около 1300 кв. м, причем это четвертая часть всей земли, которой располагает продавец. Участок находится в области Урука (*pehât Urukki*), возле селения Биранатум. Указаны и более точные границы. С восточной стороны к нему примыкает земля, находящаяся также в частном владении; упомянуты имена владельцев. О западной стороне ничего неизвестно из-за лакуны в тексте. Северная сторона граничит с каким-то объектом (текст испорчен), носящим название «царского». Очевидно, это царская дорога, ведущая в Урук, на которую в контрактах, при определении границ участков внутри города, постоянно ссылаются. Наконец, с южной стороны к продаваемому участку примыкает храмовая земля — «посевная земля достояния бога Ану (*SE.NUMUN bušî^dAnu*)».

¹ Имеются несколько десятков частных контрактов из Урука, посвященных сделкам с внутригородской землей. Ср. A. T. Clay, *Babylonian Records in the Library of J. Pierpont Morgan, II, Legal Documents from Erech*, N. Y., 1913; O. Schöedер, *Vorderasiatische Schriftdenkmäler der Königlichen Museen zu Berlin*, Heft XV, *Kontrakten der Seleukidenzeit aus Warka*, 1916 и др. Граждане Урука владели приусадебными участками, которыми распоряжались по своему усмотрению (продавали, делили, обменивали и т. д.). Эти участки были довольно мелки — достаточно сказать, что размеры отчуждаемых клочков, зафиксированные в контрактах, обычно не превышают 1000 кв. локтей (≈ 250 кв. м), редко приближаясь к 0,1 га, что не удивительно, если помнить, что эти земли расположены внутри города.

² M. Rutten, *Contrats de l'époque Séleucide conservés au Musée du Louvre*, P., 1935, контракт VIII.

Таким образом, данные контракта дают возможность проследить в «области Урука» (следуя терминологии контракта) по крайней мере два вида землевладения — частное и храмовое. Вопрос о храмовой земле несколько осложнен. Дело в том, что вместе с ней и, несомненно, в связи с ней упомянуто четыре имени с отчествами, но каково их отношение к храмовой земле — понять нельзя из-за небольшой лакуны в тексте. Возможно, что это земледельцы-*λαοί*; может быть, это люди, арендующие землю у храма. Мне кажется более вероятным третье предположение, что перед нами храмовая земля, находящаяся в пользовании граждан.

В подтверждение можно привести следующие данные. Пять контрактов из Урука селевкидского времени¹ трактуют о продаже ряда строений (вероятно, с прилегающими мелкими земельными участками), отнесенных к «достоянию бога Ану» (*makkuḫ dAnu*). Продажа совершается на тех же основаниях, по тем же формулам, что и в других контрактах, но указано, что объекты находятся на храмовых территориях. В трех случаях — это «*siḫkari*² храмов», в одном — район «семи ярусов», т. е. зиккурата, в пятом — район храма Адада. Продавцами являются: в трех контрактах — «выполняющие глиняные (земляные?) работы храмов», в четвертом — валяльщик, в пятом указано только имя продавца. Предположить, что продавцы — представители храмов, нельзя, так как они в двух случаях ничего общего с храмом не имеют. Повидимому, имущество, обозначенное как храмовое и бывшее некогда храмовым, на деле являлось имуществом гражданско-храмовой общины, причем храмы могли по традиции выступать в роли верховного собственника. Это имущество, вероятно, могло предоставляться любому гражданину, каким-либо образом заслужившему его, но, быть может, здесь предпочтение отдавалось храмовым служителям.

Весьма возможно, что в контракте Rutt. VIII имеет место то же самое явление — храмовая земля находится в пользовании граждан. Если сопоставить это с положением декрета, где земля, повидимому, объявленная храмовой, тем самым переходит во владение граждан, то можно сделать общий вывод о том, что храмовая земля в вавилонских городах селевкидского времени являлась частью городской земли, а именно той ее частью, которая принадлежала гражданско-храмовой общине в целом и могла находиться в пользовании граждан, — в отличие от другой, находившейся в частном владении отдельных граждан. Конечно, этот вывод нуждается еще в дополнительных подтверждениях.

Таким образом, хотя не во всех затронутых вопросах можно достигнуть достаточной ясности, все же основные линии земельной политики Селевкидов в городах Вавилонии и главные черты городского землевладения вырисовываются на основании приведенных материалов сравнительно ясно, особенно на фоне всеобщей скудости источников для данной эпохи.

Изучение указанных вопросов подводит к другой очень важной проблеме — проблеме положения зависимого и полузависимого населения, жившего в городах и на приписанной к ним земле. Эта сторона дела выходит за рамки настоящей работы, однако вкратце ее необходимо охарактеризовать и здесь. То немногое, что нам в этом направлении известно в отношении вавилонских городов, дают документы из Урука. В области Урука и в самом городе жило многочисленное население, не входившее в гражданско-храмовую общину и непричастное к автономии, иммунитетам и привилегиям, которыми была наделена эта община. Это население было

¹ O. Schroeder, VS, 12, 13, 22, 27, а также неизданная табличка Государственного Эрмитажа.

² *siḫkari* — слово с неизвестным значением, в других контекстах не встречается.

обложено налогами, взимавшимися царскими фискальными чиновниками¹. Можно судить также о наличии в селевкидском Уруке значительного числа рабов², труд которых, возможно, применялся в сельском хозяйстве наряду с наемным трудом³.

Жизнь производителей материальных благ в селевкидской Вавилонии очень скупо освещена источниками, поэтому пока приходится ставить эти вопросы в значительной мере схематически, в связи с вопросами социальной роли полуавтономных политических единиц в селевкидском государстве, в числе которых рядом с эллинистическими полисами и вавилонскими городами можно назвать многочисленные храмовые государства и храмовые города Малой Азии и Сирии, негреческие города сиро-финикийского побережья и Палестины и т. д.

Все эти виды политических образований сильно различались между собой по происхождению, и каждая из них имела свою собственную историю развития, но в то же время было нечто, роднившее их между собой. Если взять, например, эллинистический полис и вавилонский город, то хотя первый имел своим прототипом классический греческий полис, а второй развился на местной вавилонской почве, все же они имели сходную политическую структуру, определявшуюся их сходной социально-экономической структурой и одинаковой ролью в составе государства. И тот и другой включали две основные группы населения — сравнительно узкий круг лиц полноправных, объединенных в четко очерченный гражданский коллектив, и противопоставленное ему зависимое и полузависимое негражданское население — рабы, земледельцы *-λαοί* (жившие на территории, расположенной вокруг города и находившейся под его контролем) и другие. Автономия, иммунитеты, привилегии и т. д., которые довольно часто даровались царями городам, как правило, относились только к гражданам и были как бы направлены против неграждан. Они увеличивали права города на окружающую землю и население, жившее на ней. Доходы с этой земли делились между царем и городами. Последние могли подчас обладать довольно значительной степенью автономии.

Возникает вопрос — не противоречило ли это централизаторским стремлениям Селевкидов? Не только не противоречило, но составляло единственный залог успеха их политики. Важнейшим условием сохранения политической централизованности государства была именно определенная степень децентрализации, в виде существования различных полуавтономных единиц. Такая децентрализация была неизбежным и закономерным проявлением экономической несвязанности отдельных составных частей государства, ибо селевкидская монархия, подобно империям Кира и Александра, не имела своей единой экономической базы и представляла собой «...конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»⁴.

¹ См. ВДИ, 1952, № 1, стр. 70, 77—79. Фискальные чиновники — хреофилаки заведывающие также в некоторых селевкидских полисах, см. M. R o s t o v t z e f f, *Seleucid Babylonia*, YCS, III, стр. 62 сл.

² Имеется 12 контрактов из селевкидского Урука, фиксирующих различные сделки с рабами, — продажу, дарение, посвящение в храм, см.: VS, 3; 20; BRM, 2; 5; 6; 7; 10; 25; 50; Rutt. 1; Sp., 295 (BRM, 6 = BRM, 7; BRM, 50 = Sp., 295), и контракт Государственного Эрмитажа № 15546. В контрактах встречается продажа одновременно до шести рабов. Средняя цена раба равнялась полумине серебра.

³ См. ВДИ, 1952, № 1, стр. 72, прим. 2.

⁴ И. С т а л и н, *Марксизм и вопросы языкознания*, Госполитиздат, 1952, стр. 12.